

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Российское общество в новых социологических исследованиях

Глубочайшие изменения социальной структуры, которые происходят в российском обществе в последнее десятилетие, стали предметом пристального изучения ведущих отечественных социологов. Тема эта уже обрела свою достаточно обширную литературу. И все же хотелось бы обратить внимание на две недавно вышедшие монографии. Это книги Н. Тихоновой "Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике" и Е. Авраамовой "Время перемен: социально-экономическая адаптация населения" [1,2].

В обоих случаях авторы, со многими работами которых читатели нашего журнала имели возможность познакомиться [3—13], не ограничиваются анализом воздействия развернувшихся в стране экономических преобразований на процессы социальной стратификации. Их интересуют не только происходящие изменения социальной картины, появление новых социальных страт и исчезновение старых, изменение социальной роли тех или иных слоев российского общества, но и то, как эти глобальные социальные процессы проходят через судьбы людей, какие из них и в силу каких своих личностных качеств оказываются способными ответить на вызов времени, а какие чаще рискуют быть раздавленными свалившейся на них непосильной ношей, для каких не только внешние обстоятельства, но и внутренние качества стали решающими для обретения того или иного места в формирующемся обществе.

Свои выводы оба автора строят на базе собственных социологических исследований, которые они проводили в течение 1990-х годов. Конечно, сегодня уже можно пожалеть, что в книги не вошли данные, собранные после кризиса 17 августа 1998 года. Однако, думается, их отсутствие не оказало сколько-нибудь значительного влияния на принципиальные результаты анализа. Ведь его предметом были фундаментальные процессы, разворачивающиеся в нашем обществе, и кризисная встряска могла повлиять лишь на отдельные нюансы, но не на суть этих процессов. Кроме того, сегодня уже очевидно, что катастрофические пророчества, которые нередко делались в разгар августовского кризиса, в частности чуть ли не о гибели только становящегося на ноги среднего класса, не оправдались. Даже те тревожные симптомы, которые в тот период могли наблюдать социологи и которые затрагивали прежде всего показатели уровня доходов и самоощущения людей, — компоненты необходимые, но явно недостаточные для стратификации, — уже через несколько месяцев были существенно смягчены. И через год многие респонденты уже констатировали, что в целом ситуация возвращается в докризисное русло.

Важной чертой исследования Тихоновой, делающей его особенно ценным, является стремление к более глубокому анализу личностных аспектов, увеличивающих или,

Плискевич Наталья Михайловна — член редакционной коллегии, редактор отдела социально-экономических проблем журнала "Общественные науки и современность".

напротив, уменьшающих вероятность попадания в тот или иной слой нового российского общества. Конечно, ведущую роль в разворачивающихся процессах социальной "перекройки" общества играют объективные факторы, связанные прежде всего с изменением статуса тех или иных отраслевых и профессиональных групп. Однако было бы неверным утверждать, что падение статуса какой-то отрасли, резкое ухудшение ее экономического положения автоматически означало соответствующее падение материального статуса всех ее работников. В таких ситуациях очень многое зависело и зависит от их личных качеств. Не случайно, например, Тихонова отмечает, что реально "представители нового среднего класса рекрутировались прежде всего из слоев, в наибольшей степени пострадавших от экономических реформ" [1, с. 5]. А по мнению академика Т. Заславской, в любой отраслевой или профессиональной группе всегда можно найти 20-25% лиц, наиболее деятельных, активных, инициативных, предприимчивых, здоровых и молодых, с определенным психологическим настроем. Они добиваются успеха, в том числе материального, даже в, казалось бы, совсем кризисных областях, ищут и находят новые формы организации своей деятельности, способы реализации своих научно-технологических идей [14].

Действительно, резкое ухудшение "внешних" условий активным личностям давало дополнительный импульс к поискам средств для улучшения ситуации и, напротив, пассивные, патерналистски настроенные люди, не способные к самостоятельной мобилизации в борьбе с объективными трудностями, с высокой долей вероятности оказывались жертвами обстоятельств. В монографии Тихоновой можно познакомиться с подробным анализом воздействия как внешних, так и личностных факторов и социально-психологических характеристик на статусные позиции. В порядке убывания значимости ею выделяется "наличие индивидуалистическо-достижительных установок, возраст, тип собственности предприятия, социально-профессиональная принадлежность, опыт занятий предпринимательством, место жительства (регион и тип поселения), состояние здоровья, мобильность психики, принадлежность к руководящему составу, образование, особенности трудовых мотиваций и пол" [1, с. 89]. Правда, она делает оговорку, что сама последовательность несколько условна и может претерпевать некоторые изменения в разных исследованиях.

Если среди внешних факторов важнейшим водоразделом, отделяющим относительно благополучную и неблагополучную части населения, стали работа в государственном либо частном секторе экономики, а также занятия разными формами индивидуальной трудовой деятельности, то среди личностных характеристик на одном из первых мест оказывается возраст. Не отрицая утверждения ряда исследователей, что молодежь оказалась самым уязвимым субъектом современного российского рынка труда, особенно в провинции (см., например, [15]), Тихонова тем не менее убедительно демонстрирует, что молодежь, "вступившая в трудовую жизнь уже в ходе реформ, использовала предоставившийся ей шанс на восходящую мобильность" [1, с. 92]. Тогда как старшее поколение в массе своей скатилось по статусной лестнице вниз, а поколение сорокалетних с трудом удержалось на завоеванных позициях" [1, с. 92].

При этом данные опросов убедительно опровергают распространенное заблуждение, согласно которому относительно благоприятное материальное положение молодежи связано с ее уходом "в торговлю". Исследование показало, что на самом деле важна "не сфера деятельности, а именно возраст" [1, с. 93]. В частности, это демонстрируют данные об улучшении или ухудшении материального положения молодежи и людей старшего возраста в различных социально-профессиональных группах. Всюду 20-30% молодых людей говорят об улучшении своего материального положения, а среди предпринимателей эта цифра доходит до 50%, в то время как у старшего поколения данный показатель существенно ниже. И, напротив, он в 2 и более раза выше среди тех, кто говорит об ухудшении своего материального положения. Причем здесь надо учитывать и то обстоятельство, что уровень запросов молодых людей к показателям материального достатка принципиально иной, нежели у людей среднего и старшего возраста.

В качестве важнейшего фактора успеха молодых людей Тихонова выделяет их стремление к овладению новыми, необходимыми сегодня для успешной работы знаниями и навыками. Они интенсивно делают вложения в свой человеческий капитал. в частности активно осваивают компьютер, изучают иностранные языки, стремятся получить перспективное образование. Тихонова приходит к выводу, что "молодежь в целом как работники отличается от старшего поколения в лучшую сторону, и объективные различия их позиций на рынке труда находят соответствующее отражение в уровне их материального благосостояния. Не удивительно, что молодежь гораздо оптимистичнее оценивает и последствия для себя экономических реформ" [1, с. 110]: каждый седьмой молодой человек полагает, что он выиграл от реформ (у старшего поколения этот показатель почти втрое меньше).

Много внимания уделяет Тихонова и анализу влияния социально-психологических характеристик на статусные позиции - наличие или отсутствие достижительных мотиваций, инициативности, индивидуалистического сознания и т.п. Исследование позволило выделить три группы, на которые разделилось наше общество: носителей патерналистско-эгалитаристского типа ментальности (примерно треть населения), индивидуалистическо-либерального типа (около 20%) и, наконец, промежуточного типа (около 50% населения).

В качестве важнейшего фактора, влияющего на формирование новой социальной структуры, выделяется разделение нашего общества на носителей ментальности как традиционалистской российской, так и западной индивидуалистической. Причем это разделение трактуется как новая фаза стародавнего конфликта "западников" и "славянофилов" (в современной терминологии - "демократов" и "патриотов") [1, с. 115].

В целом же, по мнению Тихоновой, «в условиях рыночных реформ произошел не столько слом старой социальной структуры, сколько дополнение ее формирующейся ускоренными темпами вполне рыночной в своей основе новой социальной структурой, включающей не только "новых русских", но и миллионы людей, работающих в негосударственном секторе экономики. "Перетоку" определенной части населения в частный сектор экономики и закреплению в нем способствовали прежде всего факторы личностного, социально-психологического характера. В числе основных среди них были тесно коррелировавшие с возрастными характеристиками инициативно-индивидуалистические или, напротив, пассивно-патерналистские установки, степень мобильности психики, а также ценностные ориентации, задававшие в совокупности возможности адаптации актора к новой модели развития общества» [1, с. 124].

Нынешнему переходному состоянию российского общества соответствует переходная же социальная структура, в которой сохраняется "дифференцирующая и селектирующая роль социально-психологических факторов" [1, с. 124].

Состояние переходности социальной структуры современного российского общества лишней раз демонстрируют данные о самооценке россиянами своего социального статуса, которые могут рассматриваться как косвенные свидетельства степени зрелости этой структуры. Теме самооценок Тихонова также уделяет много внимания. При этом важным фактором, воздействующим на формирование таких самооценок, становится сравнение своего уровня жизни с уровнем жизни окружающих. По данным на середину 1998 года, более половины опрошенных (53,7%) считали, что живут так же, как и их окружение (в 1990-1991 годах таковых было несколько больше - 61,3%), 10,5% считали, что живут лучше, а 29,6%-что хуже (в 1990-1991 годах, соответственно, 25,1% и 8,7%) (1, с. 82).

В результате на данные о самооценках своего положения, с одной стороны, значительное влияние оказывают сравнительные с окружающими характеристики, подталкивающие многих, например, к самооценкам на уровне средних данных, а понятие бедности интерпретировать в качестве отсутствия возможности жить так, как окружающие. С другой стороны, растущая имущественная дифференциация и общее ухудшение экономического положения не могли не сказаться на росте пессимистических самооценок. Вместе с тем данные, приводимые Тихоновой, позволили сделать вывод,

что, "во-первых, материальное положение основной массы опрошенных объективно не являлось столь тяжелым, как можно было бы считать, основываясь только на самооценках и цифрах среднедушевого дохода, и, во-вторых, что необходимы какие-то более точные инструменты для оценки уровня благосостояния, чем просто цифры душевого дохода или тем более самооценка населением своего положения" [1, с. 150, 151].

Более детальный анализ самооценок материального положения семей привел Тихонову к заключению, что уровень душевого дохода играет в них далеко не главную роль. Он оказался лишь на шестом месте по значимости, уступив оценке возможности нормально одеться, доле расходов, идущей на питание, динамике материального положения и т.п. При этом усиливающаяся имущественная дифференциация ухудшает общие показатели самооценки материального положения. Так, сравнение данных 1996 и 1997 годов показало, что, несмотря на относительное улучшение материального положения респондентов,росло их недовольство уровнем своего благосостояния. В Москве число назвавших свое положение худшим, чем у окружающих, выросло с 31% до 47%, а с 47% до 65% увеличилось число заявивших, что за год их положение ухудшилось. В Воронеже за это же время оценка своего благосостояния как плохого выросла примерно на четверть и превысила половину опрошенных [1, с. 154, 155].

В целом исследование Тихоновой продемонстрировало ненадежность одномерных показателей благосостояния и побудило ее к поиску многомерных критериев определения социального статуса, в чем она солидарна со многими российскими и зарубежными социологами. В результате сопоставления комплекса критериев ею были выделены следующие слои современного российского общества:

- нищие (9%) - не могущие позволить себе купить мяса, сладкого, новую одежду для детей, не ходящие в гости и не принимающие гостей;

- бедные (10%) - изредка покупающие мясо, фрукты, сладкое, одежду, не ходящие в гости, не покупающие газет, лишь изредка покупающие детям новую одежду и не способные профинансировать их платные занятия;

- малообеспеченные (25%) - не покупающие бытовой и иной дорогостоящей техники, никогда не позволяющие себе деликатесов, ощущающие серьезные ограничения при покупке одежды и прессы, при посещении театров, концертов, кино, но обычно приобретающие мясо, фрукты и сладкое;

- среднеобеспеченные (34%) - начиная с этой группы у семей появляются свободные деньги и в соответствии с их приоритетами возрастает вариативность трат и стратегий экономии (одни экономят на одежде, другие - на бытовой технике, третьи - на питании и т.д.); в целом имеются некоторые ограничения при покупке деликатесов, посещении театров, туризму, покупке одежды;

- обеспеченные (12%) - ощущающие ограничения при покупке дорогостоящих вещей (автомобиля и т.п.), в посещениях ресторанов, в туристических путешествиях, но почти не экономящие на еде и бытовой технике;

- состоятельные (10%) - регулярно покупающие деликатесы, посещающие рестораны, путешествующие, совершающие дорогостоящие покупки, могущие позволить себе все траты одновременно без экономии на чем-то из желаемых расходов [1, с. 162].

Какие же обстоятельства - внешние ограничители или личностные характеристики - оказывают большее воздействие на отнесение человека к той или иной группе? Данные Тихоновой с достаточной убедительностью подводят к выводу, что общий каркас действительно задается объективной ситуацией, но в его рамках возможности личностного выбора, связанные с самыми разными (не только экономическими) соображениями, достаточно широки и многовариантны. "Таким образом, системные факторы стратификации выступают как рамки, ограничитель, социальный заказ экономики акторам. Личностные факторы определяют их способность соответствовать этому заказу и, соответственно, этой способности занять определенное место в новой социальной структуре России. Они не существуют отдельно друг от друга, но там, где

спектр возможностей достаточно широк и человек свободен в своем выборе, личностный фактор имеет решающее значение" [1, с. 281, 282].

Может быть, добавляет Тихонова, этой свободой выбора и правом на нее и объясняется сохраняющееся все эти годы, несмотря ни на что, долготерпение россиян. В то же время она отмечает и серьезные преграды, в том числе личностного характера, стоящие на пути модернизации страны: "Основной адаптационный ресурс населения уже исчерпан. В плане тенденций дальнейшего развития социальной структуры это означает... закрепление сложившегося ее типа с сосуществованием двух основных подструктур, связанных с сосуществованием двух секторов экономики - государственного и частного и соответствующих смешанному характеру российской экономики" [1, с. 125].

Тема адаптации населения к переменам родит работы Тихоновой и Авраамовой. Но если Тихонова делает акцент на личностном аспекте, то в центре внимания Авраамовой оказываются социально-культурные и социально-психологические процессы, разворачивающиеся на фоне экономических перемен. Новая ситуация потребовала перемен в социальных ориентирах людей, изменений приоритетов во всей системе социальных отношений. При этом важная отличительная особенность развернувшихся в стране преобразований состоит в том, что старые модели и механизмы социального поведения "входят в противоречие с новыми и, не будучи подкреплены эффективными мерами социальной политики, угрожают обществу дестабилизацией и дезинтеграцией" [2, с. 26].

Новому обществу должна соответствовать новая институциональная среда. Пока такая среда, к сожалению, не только не создана, но и старые по сути своей институты пытаются использовать для реализации прокламируемых реформаторами функций, а это не может не вести и к росту напряженности, и к искажению заявленных целей. Переломить ситуацию, очевидно, возможно будет тогда, когда значительной массой населения будут восприняты новые принципы социального действия, соответствующие новым задачам формальные и неформальные правила, социальные ценности и этические нормы. Каковы были наши успехи и просчеты в этой сфере, и пытается разобраться Аврамова, анализируя адаптационные стратегии разных социальных групп, пытаясь нащупать те моменты в окружающей нас социально-экономической реальности, которые способствуют упрочению процессов трансформации, и факторы, создающие на ее пути серьезные преграды.

В книге сравниваются данные целого ряда исследований, проводившихся на протяжении последнего десятилетия по самым разным аспектам реформирования - от общих оценок выбора модели социально-экономического развития и отношения к приватизации до предпочтений в сфере личных сбережений. Они свидетельствуют, что к концу 1990-х годов время массовых апокалиптических настроений прошло, но сменилось оно отнюдь не ожиданием подъема (даже в относительно благополучном 1997 году), а неким состоянием уныния, уверенности в том, что период нестабильности и связанных с ней трудностей продлится еще очень долго.

Выводы об итогах десятилетия адаптационных усилий также неутешительны. В сложившейся в стране социально-экономической ситуации смогли сформироваться высший и средний слои. Но та же ситуация не позволяет среднему классу, который должен был бы стать опорой нового общества, расширяться и обрести устойчивость. Эта часть общества стала "классом в себе", "поскольку, хотя и наличествуют важные предпосылки становления среднего класса, практически отсутствуют, во-первых, стереотипы массового социокультурного поведения, во-вторых, устойчивая самоидентификация, обеспеченная идеологической поддержкой, выступающей в виде признания особого достоинства, символической оплаты за издержки адаптационных усилий" [2, с. 184]. Не стал средний класс и "классом для себя", "поскольку средние слои не имеют серьезных ресурсов влияния на макропроцессы" [2, с. 184].

Аврамова констатирует отсутствие в стране прочной базы для стабильного функционирования социальных институтов и положительной социальной динамики. К факторам, препятствующим продуктивной социальной динамике, она относит:

- ограниченность ресурсов, которые могут быть использованы для удовлетворения требований отдельных групп вне зависимости от обоснованности их социальных притязаний;

- рост "социального эгоизма" успешно адаптировавшихся слоев, оценка ими своего успеха лишь с позиций реализации личных усилий и нежелание проявлять солидарность по отношению к менее успешным и даже бедствующим согражданам:

- масштабная криминализация страны, распространенность нелегальных и полунелегальных способов решения гражданами своих социально-экономических проблем, превращение норм и санкций уголовного мира в привычные модели социально-экономической деятельности;

- разрушение социально-государственных механизмов поддержания социальной динамики, недопускающих перерастания локальных социально-экономических конфликтов в угрозу социально-политической стабильности;

- просчеты государственной социальной политики, ведущие к усилению социального неравенства и лишаящие государство возможности играть роль справедливого арбитра, способного беспристрастно защищать интересы всех общественных групп [2, с. 187].

Кризисному характеру российской трансформации соответствует, по мнению Аврамовой, "неустойчивый и неформальный характер социального поведения" [2, с. 189]. Он выражается "в доминировании адаптации над устойчивыми моделями поведения, которые присущи стабильно функционирующим обществам и оформляются в процессе социализации. В результате адаптация в настоящее время стала определяющей характеристикой социального поведения населения" [2, с. 189].

Однако, как представляется, сложившаяся ситуация в значительно большей степени, чем нам кажется сегодня, является не результатом конкретных просчетов экономической и социальной политики последнего десятилетия, а "функцией времени". Думается, для всего переходного периода, который, к сожалению, как уже очевидно, продлится еще достаточно долго, для большинства населения будет характерна как раз адаптивная форма поведения. Сам факт массового перехода к "устойчивым моделям, присущим стабильно функционирующим обществам", может стать сигналом к тому, что переходные преобразования подошли к концу. Поэтому вряд ли справедливо было бы анализировать идущие сегодня в нашем обществе процессы без учета того факта, что по историческим меркам мы прошли еще слишком малую часть необходимого пути.

Кроме того, вряд ли справедливо было бы видеть причины социальной напряженности, негативного отношения людей к разворачивающимся процессам исключительно в неудачно избранной стратегии и тактике экономических реформ. Не говоря уже о том, что многое за эти годы делалось в режиме "вынужденного перехода", в виде серии шагов, совершаемых исключительно для того, "чтобы не было хуже", чтобы избежать действительной катастрофы [16], причины многих искажений целесообразно поискать в наших глубинных социально-культурных традициях. К сожалению, у нас еще слишком велико влияние антилиберальных, архаичных, традиционалистических начал.

Надо признать, что за последнее десятилетие отечественные реформаторы так и не осознали необходимости серьезного учета этого фактора при принятии конкретных решений. Даже не был поставлен вопрос о важности изучения родной "почвы", выделения в ней как элементов, которые необходимо нейтрализовать (или хотя бы заранее получить представление о характере негативной реакции, чтобы учесть ее в своих действиях), так и элементов, точные воздействия на которые способны существенно расширить поле для либеральных преобразований. Сам тезис о "консервативности либерализма", о том, что он должен естественно вырастать из "почвенного" материала, не принимается.

Так, Е. Ясин на прямой вопрос о важности учета национальных "почвенных" элементов в рыночных реформах ответил, что это верно только "в отношении Запада".

В нашей же стране, по его мнению, либеральные ценности были достоянием "узкой группы лиц, также принадлежащих к западной культуре" [17], а основное социокультурное поле - исключительно консервативно. Думается, данные о жестком неприятии преобразований последнего десятилетия, приводимые Авраамовой, не в последнюю очередь - результат такой позиции, по сути своей неконструктивной: ведь если наша "почва" действительно чужда либерализму, то и либеральные реформы у нас невозможны. Однако прошедшее десятилетие при всех его издержках и просчетах все же показало, что это не так, хотя складывающаяся в реальности картина весьма далека от известных канонов.

Исследования Авраамовой позволяют ей сделать вывод, что в нашем обществе "имеется социальный слой, уже сформировавший специфические образцы социального поведения, обладающего устойчивостью, которую он стремится закрепить и легитимизировать. Создан жизненный стиль, чьи элементы активно репрезентируются в обществе" [2, с. 189]. Правда, слой этот, по ее оценкам, немногочислен (5-7%) и достаточно замкнут. В нем действуют свои нормы и санкции, поддерживающие его устойчивость, культурные символы взаимодействия, практически завершился процесс оформления групповой идентичности и связанного с ней образа жизни.

Всего этого нельзя пока сказать о среднем слое. Аврамова показывает, что для него характерна "значительно меньшая гармония отношений между типом идентичности и занимаемой статусной позицией" [2, с. 190]. Она выделяет несколько причин, по которым формирование широкого среднего слоя оказалось заблокированным, среди них главное - то, что механизм проведенной приватизации способствовал формированию крупных, но не мелких и средних собственников. Вообще же, по ее мнению, становлению среднего класса в России будет способствовать, с одной стороны, "развитие автономной активности, выкристаллизовывание социальных интересов, групповой идентичности, культурно-детерминированной системы ценностей, норм и санкций" [2, с. 190], а с другой - стабилизация "социально-экономических и политических институтов и способность общества к воспроизводству этой стабильности, под которой следует понимать не консервацию существующего порядка, а предсказуемость и открытость действий власти" [2, с. 191].

Завершается книга Авраамовой главой о перспективах консолидации трансформирующегося общества. Размышляя о путях выхода из идейно-нравственного кризиса и опираясь на данные своих исследований, она приходит к выводу, что "утилитарно-прагматическая, а не идеологическая ориентация в политической сфере в наибольшей степени смыкается как с ориентацией на здоровые истоки национальной культуры, так и с интересом к ее наивысшим достижениям. Прагматическая, неидеологизированная ориентация не ведет ни к культурной деградации, ни к ценностному релятивизму. В условиях городской культуры она по существу опирается на либеральный ценностный комплекс, включающий такие ценности, как свобода, благосостояние, личный успех, которые, соединяясь в обыденном сознании с традиционными ценностями (неаскетической религией, семьей, авторитетным государством), не входят в противоречие с утилитарно-прагматическими установками" [2, с. 228]. Таким образом, можно считать, что прагматическое стремление каждого к достижению собственного благополучия в наибольшей степени способствует успеху процесса социальной трансформации всего российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
2. Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998.

3. *Авраамова Е., Дискин И.* Социальные трансформации и элиты // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3.
4. *Авраамова Е., Гурко И., Булычкина Г.* Приватизация как социально-экономический феномен // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6.
5. *Шкартан О., Тихонова Н., Пахомова Е.* Человеческий потенциал России (1994 год) // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4.
6. *Тихонова Н.Е.* Мировоззренческие ценности и политический процесс в России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4.
7. *Дискин И.Е., Авраамова Е.М.* Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1.
8. *Тихонова Н.Е.* Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5.
9. *Авраамова Е.М.* Сберегательные установки россиян // *Общественные науки и современность*. 1998. № 1.
10. *Тихонова Н.Е.* На пути к новой социальной стратификации российского общества // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3.
11. *Авраамова Е.М.* Формирование новой российской макроидентичности // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4.
12. *Авраамова Е.М.* Социальная мобильность в условиях российского кризиса // *Общественные науки и современность*. 1999. № 3.
13. *Тихонова Н.Е.* Самоидентификация россиян и ее динамика // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4.
14. *Заславская Т.И.* Социальная структура и гражданское общество // *Личность*. 1999. Декабрь.
15. *Золотова И., Зувв А.* Молодежь на рынке труда // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5.
16. *Левада Ю.А.* 1989-1998: десятилетие вынужденных поворотов // *Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год*. М., 1999.
17. *История нас рассудит.* На вопросы журнала отвечает Е.Г. Ясин // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5. С. 20.